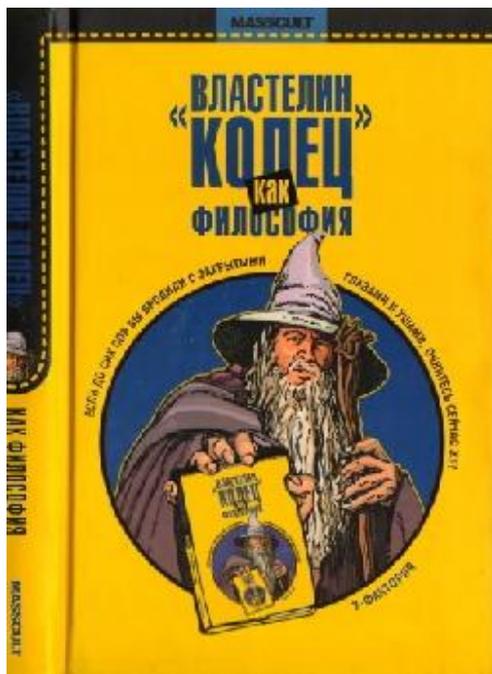

Д.К.Блаунт

Сверххоббиты: Толкин, Ницше и воля к власти

7.
**СВЕРХХОБИТЫ: ТОЛКИН, НИЦШЕ
И ВОЛЯ К ВЛАСТИ**

Дуглас К. Блаунт

Что хорошо? — Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, саму власть.

Что дурно? — Все, что происходит из слабости.

Что есть счастье? — Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия¹.

Фридрих Ницше

Единое Кольцо поистине Кольцо Всевластья. Действительно, это подавляющее Кольцо. Поскольку, как говорят эльфийские предания, Кольцо дает своему обладателю власть над остальными могущественными кольцами. Когда Саурон, Черный Властелин Мордора, отливал это Кольцо, он вложил в него свою злую энергию.

¹ Ницше Фр. Антихрист. Проклятие христианству. Перевод В. Флеровой. — Примеч. ред.

...И немало ее ушло, чтобы спаять Кольца в черную цепь. Если это Кольцо найдется, власть Саурона возрастет стократ, и даже Три эльфийских будут ему подвластны: все сделанное с их помощью падет, и сила его станет необоримой.

Вкладывая в кольцо огромную часть своей силы, Саурон, однако, рисковал. Потому что это позволяло кому-нибудь, обладающему определенными знаниями и достаточной силой, победить Черного Властелина. Но кто в Средиземье мог бросить ему вызов? И кто вообще мог бы бросить ему вызов? Конечно, уничтожив Кольцо, вы лишите Саурона части его энергии. Он сам «сойдет на нет... превратится в тень, в простое воспоминание о злой воле». Но Кольцо может быть уничтожено только в огне Роковой горы. Огромное значение имеет тот факт, что воспользовавшиеся силой кольца подпадают под его влияние, становятся его рабами¹. А став его рабами, они не могут его уничтожить. Поэтому уничтожение Кольца кажется несбыточной мечтой. Поэтому, возможно, игра Саурона была не такой уж рискованной. В любом случае его желание доминировать, поработить и навязать свою волю в Средиземье оправдывало любой риск.

Илуватар, известный также под именем Эру, — один из настоящих богов, Творец Средиземья². Во время длительной войны между светом и тьмой Черный Властелин Саурон взял себе имя «Король королей и повелитель

¹ Удивительным исключением из этого правила стал Том Бомбадил. Как установили Фродо и его друзья, Бомбадил не исчез, надев Кольцо, и продолжал видеть Фродо, когда тот в свою очередь воспользовался Кольцом.

² Толкин приводит древнейшую историю Средиземья, в том числе и историю его сотворения, в «Сильмариллионе».

Мира», титул, который по праву принадлежал самому Илуватару. Более того, стараясь поработить мир, Саурон пытается занять место Илуватара, становясь таким образом Богом. Толкин объяснял, что основа конфликта «Властелина Колец» не «свобода», хотя она безусловно обыгрывается, но «Бог и его уникальное право на божественную честь».

Саурон хочет быть Королем-Богом, и его в этом поддерживают слуги; победив, он бы потребовал божественной чести от всех разумных существ и абсолютную временную власть над всем миром.

Поэтому конфликт Средиземья носит по существу религиозный характер. Саурон пытается навязать свою волю не только своим сподвижникам в Средиземьи, но, в конце концов, самому Илуватару.

НИЦШЕ — ФИЛОСОФ ВЛАСТИ

Желание Саурона захватить, подчинить и навязать свою волю всем, включая Илуватара, превращает его в архиврага всего хорошего в Средиземье. Власть Черного Властелина, являясь для всех смертельной угрозой, ему самому представляется гарантией жизни, и не просто жизни, но жизни обильной.

Немецкий философ Фридрих Ницше (1844—1900) безоговорочно поддерживал стремление к власти, поскольку жизнь, согласно Ницше, — это подавление слабых сильными. «Эксплуатация, — заявлял он, — не является принадлежностью испорченного или несовершенного и примитивного общества: она находится в связи

с сущностью всего живого, как основная органическая функция, она есть следствие действительной воли к власти, которая именно и есть воля к жизни»¹. А если эксплуатация — сущность жизни, то живучей Саурона в Средиземье нет никого!

Несомненно, такой исключительно эксплуатативный взгляд на вещи заденет многих из нас, поскольку нам будут неприятны его моральные последствия. Здесь Ницше предлагает нам быть мудрее, чтобы понять позицию больших птиц, которые эксплуатируют (едят) ягнят. То, что ягнята не любят птиц и считают их злом, нас не удивляет. Но разве это каким-то образом превращает птиц в нравственно ущербных существ? Превращает их в зло? Не ведут ли себя птицы в соответствии со своей природой? И не в самой ли природе силы заложено доминировать, властвовать, эксплуатировать? Ницше пишет:

Требовать от силы, чтобы она не проявляла себя как сила, чтобы она не была желанием возобладания, желанием усмирения, желанием господства, жаждою врагов, сопротивлений и триумфов, столь же бессмысленно как требовать от слабости, чтобы она проявляла себя как сила².

Ягнята видят эту ситуацию с одной стороны; птицы считают ягнят особенно вкусными и имеют поэтому совсем другой взгляд. Так же как Берт, Том и Уильям — тролли, едва не поджарившие Бильбо с его товарищами-гномами, имеют об этом свое представление, отличное от мнения хоббита и гномов. Правда, в конце концов,

¹ Ницше Фр. По ту сторону добра и зла. Перевод Н. Полилова. — Примеч. ред.

² Ницше Фр. К генеалогии морали. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.

это всего лишь мнения¹. Ни у той, ни у другой стороны нет достаточно весомых нравственных аргументов, хотя, конечно, птицы и тролли (если бы не Гэндальф) обладают достаточной силой, чтобы продемонстрировать свою точку зрения перед бессильными ягнятами и перед Бильбо сотоварищи. Рассматривая вещи под таким углом зрения, мы выходим за пределы добра и зла.

Кроме того, Ницше дерзко утверждает, что Бог умер, а жизнь бессмысленна, хотя, как он нас уверяет, это не так уж плохо. Объявляя о смерти Бога, он выражается не фигурально. Хотя, конечно, Бог не умер. Просто Ницше хотел сказать, что человек больше не соотносит вновь познаваемое с существованием Бога, поскольку «вера в христианского Бога стала чем-то незаслуживающим доверия». По Ницше получается, что признание смерти Бога вовсе не означает отречения от Него, — оно означает осмысление человеком изначального отсутствия Бога².

Очевидно, что заявление об отсутствии Бога имеет серьезные последствия. И самое значительное из них, о чем стоит упомянуть, — бессмысленность жизни.

¹ Ср. *Ницше Фр.* По ту сторону добра и зла: «Нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов...» (перевод Н. Полилова. — *Примеч. ред.*).

² См. *Шахт Р.* Ницше: «То, что Ницше шагнул далеко за пределы осторожного агностицизма и примкнул к „безоговорочному и честному атеизму“ Шопенгауэра, есть нечто простое и ясное». И все же несмотря на страсть, с которой он отстаивал данный взгляд, Ницше сделал не много для действительного доказательства отсутствия Бога. Поскольку это атеистическое заявление выглядит больше как глобальная аксиома, чем как аргументированное заключение. Зато гораздо лучше других атеистов он вывел выводы из этой аксиомы, чему и посвятил оставшуюся жизнь и свои размышления.

Поскольку в отсутствии Бога отсутствует и божественное провидение в человеческой природе, то, следовательно, созданы люди безо всякой цели. Итак, люди существуют просто так. Их жизнь не имеет никакого смысла. «Мы изобрели понятие „цель“, — говорит нам Ницше, — в реальности отсутствует цель». Отправляясь на поиски божественной осмысленности судеб и конечной божественной цели, мы обнаруживаем себя в чужом мире, полном ненужных страданий. И этот мир, конечно, совершенно не похож на Средиземье, где каждая сотворенная раса (в противовес оркам, троллям и другим искусственно выведенным расам) имеет собственный дом.

Истина, по мнению Ницше, безобразна. Если мы встретимся лицом к лицу с миром, каков он есть, и попробуем оставаться честными, мы не сможем его вынести. «Честность, — говорят нам, — приведет нас к отращению и самоубийству». Те, кто пытается найти разумную и прекрасную истину, чтобы выжить, стараются напрасно. Чтобы смириться с этим фактом, необходим самообман. Иначе мы будем бессильны перед лицом жизни.

К счастью, люди находят утешение в искусстве. Искусство скрывает от нас реальность; чтобы не дать нам впасть в отчаяние, искусство делает нашу абсурдную, мучительную, бессмысленную жизнь сносной, отвлекая нас и скрывая истину, которая, будучи обнаруженной, убила бы нас. Поэтому искусство служит нам «этаким культом лжеистины». Отметим: акцент делается на красоте, а не на истине, на вкусе, а не на разуме. В красоте — не в истине — наше спасение. (На самом деле, красота спасает нас от истины.) «Не существует никакой предустановленной гармонии, — пишет Ницше, —

между споспешествованием истине и благом человечества»¹. В нашем случае вкус, кажется, полезнее разума².

Доказывая бессмысленность нашей жизни, Ницше предлагает необычный взгляд на историю, согласно которому все происходящее уже *случалось* бесконечное множество раз в прошлом. Обычно мы рассматриваем историю как прогрессивное движение по прямой. Такое представление логически означает, что история движется к некоей кульминационной точке. Естественно, история Средиземья — с самых древних событий, описанных в «Сильмариллионе», до тех, что зафиксированы в «Возвращении Государя», — выглядит движением к высшей точке. И беглый взгляд на деяния Илуватара, которые Толкин описывает нам до начала основных событий, усиливает ощущение движения по прямой к наивысшей точке. Но, согласно Ницше, история движется скорее не по прямой, а по кругу. Таким образом, история повторяется снова и снова. Исследователи спорят, верил ли на самом деле Ницше в это вечное повторение³, поскольку, объявив о смерти Бога, он ни разу не дал повода понять его буквально.

Но если даже это так, само учение о круговом движении истории, в которой бесконечно повторяются одни и те же события, приводит к двум важным последствиям. Во-первых, оно подрывает утверждение о том, что

¹ Ницше Фр. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.

² См. Ницше Фр. Веселая наука: «Теперь против христианства решает наш вкус, уже не наши доводы» (перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.).

³ См. у Шахта: «Здесь рассматривается не истинная идея [бесконечного повторения], скорее появление человека, способного вынести такое положение вещей (если оно истинно), более того, сумевшего бы абсолютно спокойно его осознать».

жизнь имеет смысл. Ведь если история не движется по некоей прямой к наивысшей точке мировой истории, это утверждение теряет свою логичность. Во-вторых, если вечность предстает уже не божественным благословением на небесах (или же, наоборот, муками ада со стенами и скрежетом зубным), а, скорее, бесконечным повторением событий земной жизни, то теперь приходится по-новому воспринимать существование «здесь и сейчас». Как пишет Ницше:

Овладей тобою эта мысль, она бы преобразила тебя и, возможно, стерла бы в порошок; вопрос, сопровождающий все и вся: «хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?» — величайшей тяжестью лег бы на твои поступки! Или насколько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не жаждать больше ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения, скрепленного печатью?¹

Итак, в свете сих мыслей, принятие всерьез и не буквально идеи бесконечного повторения изменяет жизнь, предлагая ей новый стандарт движения вперед.

СВЕРХЛЮДИ: ЧЕЛОВЕК СИЛЫ

Все мысли Ницше можно свести к одной: Бог умер. Или, иными словами: верить в Бога невозможно. Более того, поскольку Бог умер, значит, то же случилось с нашей

¹ Ницше Фр. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред. См. Ницше Фр. Эссе Homo: «Моя формула для величия человека amor fati: не хотеть ничего дурного ни впереди, ни позади, ни во веки вечные» (Перевод Ю. Антоновского. — Примеч. ред.).

невинностью и простодушием. Божественное откровение не разделяет добро и зло, на самом деле «добро» и «зло» — всего лишь определения, даваемые нами вещам, а не собственно качества вещей. Сам мир, как выясняется, — уродливое место, полное страданий. И если бы эти страдания служили некой великой цели, их можно было бы вынести. Но увы, это не так! Поскольку жизнь бессмысленна, мы можем творить красоту, чтобы примириться с фактами, но изменить ничего нельзя. История монотонно повторяется снова и снова в одних и тех же событиях. По крайней мере, так говорит Ницше.

Итак, Бог умер, и все катится в пропасть. Удивительно, но сам Ницше воспринимает весть о смерти Бога скорее как причину для веселья, чем для плача. Он пишет:

Мы, философы и «свободные умы», чувствуем себя при вести о том, что «старый Бог умер», как бы осиянными новой утренней зарею; наше сердце преисполняется при этом благодарности...¹

Но если смерть Бога обесмысливает жизнь, а наши страдания (так же как и радость) делает тщетными, откуда же Ницше берет повод для восторга? Какие невидимые для других возможности созерцает он? Возможно, некий ответ мы найдем в следующих строках:

Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смочет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные

¹ Ницше Фр. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.

игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?¹

Кончина Бога, говорит Ницше, — это не опустошение, но освобождение. У нас есть возможность занять пустое место, оставленное Богом. Смерть Бога и неустановленный нравственный порядок уподобляют нас художнику, находящемуся перед чистым холстом. Все возможно, если у нас будет на то воля!

Итак, как в истории по Ницше, мы снова оказываемся там, где начали: *воля и власть, воля к власти*. Он призывает нас принять бессмысленность жизни с высоко поднятой головой. Он призывает нас не просто принять ее, но овладеть ею. Он дает нам чистый белый холст. Но что мы напишем? Все, что пожелаем, все, что захотим, говорит он. А что будет нами руководить? Не нравственность, она свергнута. Тогда что? *Вкус*, мы последуем за нашим вкусом. «Как эстетический [или, может, художественный] феномен, — пишет Ницше, — наше существование все еще *сносно* для нас, и искусством даны нам глаза и руки и прежде всего чистая совесть для того, чтобы мы *смогли* из самих себя сотворить такой феномен»². Ницше предлагает нам овладеть бессмысленностью жизни и сделать жизнь значительной в соответствии с нашим личным вкусом. И тот, кому это удастся, станет новым человеком, сверхчеловеком (в некоторых переводах — суперчеловеком). И Ницше предвещает появление этого Сверхчеловека.

¹ Ницше Фр. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.

² Там же.

ФРОДО И СЭМ, СВЕРХХОББИТЫ

Саурон, чья воля к власти спровоцировала великое противостояние, описанное во «Властелине Колец», стремился сделать жизнь значительной в соответствии со своим вкусом. И хотя Ницше был противником и грубого вкуса, и технологической скуки, его философия не отвергала грубую силу. Поэтому Саурон, представляется кандидатом в сверхлюди. Но во «Властелине Колец» желание властвовать, определять и навязывать свою волю другим, т. е. безудержная воля к власти, подается не как дерзость нового человека, а скорее, просто как старомодное зло. И развернутая Толкином борьба против Саурона заставляет нас относиться с неприязнью к этому злу.

Насилие Мордора и Черного Властелина сравниваются — и явно не в их пользу — с красотой детей Илуватара, противостоящих им. И хотя Толкин, вряд ли имел это в виду, работая над «Властелином Колец», но он дал нам безусловную альтернативу ницшеанскому видению реальности¹, созданную средствами искусства, а не разумными доводами, такое видение бросает вызов тому, другому. Ницше дает нам, так сказать, огромную панорамную картину реальности; Толкин представляет частный портрет. Чье полотно лучше? Чья реальность покоряет? Опираясь доводами Ницше, мы выберем прекрасное. А окончательное решение предоставим нашему вкусу.

¹ И возможно, сделал это намеренно. Кольцо, согласно Толкину, символизирует «волю к простой власти, попытку превратить себя в реальность с помощью силы и механизма, а следовательно, с помощью лжи». Таким образом, помещая Кольцо в центр всего повествования, Толкин в каком-то смысле полемизирует с ницшеанской «волей к власти».

Для Толкина главное в реальности — общество. Хоббиты всегда в компании. В «Хоббите» приключения Бильбо происходят в компании гномов; в «Хранителях» Фродо отправляется в путешествие до Раздола с Пинном, Мерри и Сэмом, которые отказываются оставлять его одного. Уже из названия ясно, что центральная тема первой части — Братство, все члены которого, даже предатель Боромир, всячески содействуют Хранителю Кольца. Сэм сопровождает Фродо до самого конца, до Роковой горы. И хорошо, что сопровождает: путешествие Фродо могло закончиться катастрофой, если бы не преданность Сэма.

Хотя все члены Братства содействуют Хранителю Кольца, сама миссия была бы невыполнимой без помощи еще очень многих персонажей. Так, например, Толстик Фредегар Боббер остается в Забрении, чтобы сохранилось впечатление, что Фродо все еще дома. Том Бомбадил спасает Мерри и Пина от Старого Вяза, позже он спасает Фродо, Пина, Мерри и Сэма от мертвых из Могильников. Ноб, работник Лавра Наркисса в «Гарцующем Пони», спасает Мерри от назгула. Билл, пони, которого Наркисс приобрел у Бита Осинника для хоббитов, вез от Заверти в Раздол и в Морию всю поклажу путешественников да еще и Фродо, когда того ранили в Заверти. Конь Горислава доставил Фродо к переправе, когда его по пятам преследовали назгулы. Гваигир Ветробой, великий орел, вынес Гэндальфа из Ортханка; Светозар же помогает волшебнику быстро очутиться в нужном месте.

Бильбо отдает Фродо меч Терн и мифрильскую кольчугу: и то и другое сыграет важную роль в путешествии Хранителя Кольца. Элронд, владыка Раздола, излечивает Фродо от ран, полученных в Заверти, и основывает

Братство. Хэлдар защищает Братство от орков, давая ему убежище в Кветлориэне. Когда Братство покидает Лориэн, Галадриэль преподносит каждому подарки, которые впоследствии оказываются крайне полезными. Все эти примеры взяты из первой книги, в двух следующих книгах можно было бы найти множество фактов, подтверждающих, что успех миссии Фродо зависит от многих других, — но достаточно и этого.

Поскольку все члены Братства внесли свой вклад в события, влияющие на ход истории Средиземья, рассмотреть подробно, как разные существа способствовали миссии Фродо, невозможно на отведенных мне страницах. И все же я хотел бы остановиться на трех эпизодах: самопожертвование Гэндальфа на мосту Казад-Дума, милосердное отношение Фродо к Горлуму и отказ Сэма воспользоваться Кольцом.

Когда все Братство бежит из Мории, Гэндальф остается один на один с Барлогом на мосту Казад-Дума. Конечно, Гэндальф не человек. «Естественно в современном языке нет средств, чтобы выразить точно, кто он, — писал Толкин, — рискну предположить, что он *воплощенный ангел*». В таком случае Гэндальф — самое могущественное существо во всем Братстве. И все же он остается на верную смерть ради спасения остальных. Он жертвует собственным благом на благо общества. Такая скромность и самоотречение демонстрируют не желание контролировать других или властвовать над ними, но готовность служить другим, даже ценой личного небытия.

Фродо, как в свое время Бильбо, испытывает жалость к Горлуму и несколько раз проявляет к нему милосердие. Дважды, например, просит Фарамира сохранить Горлуму жизнь. Он говорит Фарамиру при первой встрече:

«...Если он вам еще попадетсЯ, пощадите его: приведите его или отошлите к нам. Это жалкая, заблудшая тварь, меня свела с ним судьба». Позже, у запретного пруда, Фродо просит за жизнь Горлума:

— Это жалкая изголодавшаяся тварь, — сказал Фродо. — Он не знает, что ему грозит. И Гэндальф, ваш Митрандир, наверняка просил бы уже поэтому не убивать его, а есть и другие причины. Эльфам он запретил его убивать: я точно не знаю, почему, а о догадках своих лучше промолчу. Однако же тварь эта имеет касательство к тому, что мне поручено.

Когда же Фарамир настаивает, что Горлума следует «изловить или убить», Фродо предлагает поймать его, тихо подкравшись, и сам вызывается сделать это, а людям Фарамира советует: «Держите луки наготове: если я его упущу, подстрелите меня». Здесь мы видим не только жалость, но и готовность пожертвовать собой. Но если Гэндальф жертвует собой ради Братства, то Фродо — ради «жалкой, заблудшей твари».

Однако жалость Фродо к Горлуму имеет очень большое значение. Когда Кольцо все-таки берет верх над Фродо и тот не может бросить его в огонь Роковой горы, неожиданно Горлум помогает Хранителю Кольца исполнить его поручение. Предательски пытаясь отнять Кольцо у хоббита, Горлум откусывает его вместе с пальцем Фродо. Бешено радуясь возвращению Кольца, Горлум оступается и летит навстречу своей смерти в огонь Роковой горы. И вот — Кольцо уничтожено. В итоге миссия завершена, несмотря на то что Фродо не выдержал и не смог самостоятельно уничтожить Кольцо. А значит, жалость Фродо спасла его самого и все Средиземье.

ДОБРО И ЗЛО В СРЕДИЗЕМЬЕ

Сэм, по Толкину, — главный герой «Властелина Колец». Испытание Сэма, простого хоббита — самый интересный эпизод книги: Сэм ощущает себя «Сэммиумом Смелым, героем из героев», представляет, как он «грозно шагает по темной равнине». Устоять перед искушением ему помогает любовь к Фродо и «простой хоббитский здравый смысл». Самим своим сердцем Сэм понимает, что он недостаточно велик для такой грандиозной роли.

Хватит с него и собственного сада, незачем превращать в свой сад целое царство; есть у него свои руки — и ладно, а чужими руками нечего жар загребать.

Он отказывается использовать Кольцо ради собственной славы из скромности, которая присуща всем хоббитам, и из любви к Фродо. Как Гэндальф и Фродо, принесшие себя в жертву другим, так же и Сэм подчиняет себя миссии Хранителя Кольца. Он отказывается от собственной славы, отдавая все хозяину.

Итак, основные ценности мира Толкина — сообщество, скромность, любовь и жертвенность. У героев Средиземья, безусловно, есть и свои недостатки. Люди стремятся к бессмертию эльфов; в свою очередь эльфы хотят быть, как люди, смертными. У гномов и эльфов по отношению друг к другу существует масса серьезных предрассудков, которые трудно преодолеть. Сам Фродо в итоге уступает искушению Кольца. И все же герои Средиземья преодолевают свои слабости, но не властью, которая стремится все подчинить себе, а скромностью и самопожертвованием. Сила, по Толкину, заявляет о себе очевиднее всего не в проявлениях своей власти, но в готовности от нее отказаться.

«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» КАК ФИЛОСОФИЯ

«Величайшие примеры движения духа и разума, — пишет он, — в *самопожертвовании*». Самопожертвование, подчинение собственной воли благу других — вот что, согласно представленной Толкином реальности, характеризует правильную жизнь и придает ей столь очевидную красоту, что никаких других доказательств этой истины не требуется.